

94(4)"375/1492"

Д.С. Коньков

СУЩЕСТВОВАЛО ЛИ ТУЛУЗСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В 418–450: ПРОБЛЕМА СТАТУСА ВЕСТГОТОВ В АКВИТАНИИ

Освещается период 418–450 гг. в истории вестготов и Римской империи. В это время, с точки зрения ряда исследователей, существовало так называемое Тулузское королевство вестготов. Рассматривается вопрос, действительно ли поселение вестготов в Аквитании в обозначенный период имело или приобрело статус королевства. Для решения данного вопроса анализируются данные письменных источников, освещающих обозначенный период в истории вестготов, а также рассматриваются и сопоставляются точки зрения различных отечественных и зарубежных историков.

Ключевые слова: Тулузское королевство, вестготы, варвары, поздняя Римская империя, Теодорих I, Теодорид, Галла Платидия, Аэций, властные институты, федераты, политическая идентичность, варварские королевства.

В 418 г. в истории Римской империи произошло одно из наиболее важных событий с точки зрения его последствий – расселение готских варварских формирований на территории провинции Аквитания Вторая в Южной Галлии. Оно оказало влияние на формирование испанского и французского народов, определило специфику взаимодействия романского и германского элементов в Западной Европе, положило начало складыванию особой социально-политической системы, называемой варварским королевством. Тулузское королевство вестготов рассматривается в современной историографии как одно из первых варварских королевств на территории империи, подавшее пример для прочих подобных образований. Однако до сих пор остаются спорными проблемы природы этого королевства и его оформления. Насколько корректно говорить о существовании королевства как автономного территориального образования вестготов в этот период? Каков был истинный статус вестготов, расселившихся в Аквитании на излете существования Римской империи, и как этот статус трансформировался со временем? Каково было восприятие этого статуса, с одной стороны, римлянами и, с другой стороны, вестготами? Наконец, каковы были причины, влиявшие на изменение или сохранение этого статуса? Последующий текст представляет собой попытку ответа на данные вопросы. В нем рассматривается период 418–450 гг., связанный с начальным этапом пребывания вестготов в Аквитании, а также с именем их предводителя Теодорида или Теодориха I.

Для решения поставленной проблемы необходимо определиться с общими дефинициями: понять, когда и по каким причинам появилась концепция Тулузского королевства вестготов. Х. Вольфрам констатирует, что в источниках Тулузское королевство было так названо лишь по от-

ношению к 507 г. - времени его гибели [1. С. 245]. Действительно, в Сарагосской хронике начала VII в., которую имеет в виду исследователь, идет речь о Тулузском королевстве (...regnum Tolosanum destructum est) [2. Р. 223]. Однако, судя по другим данным, это название не являлось общепринятым и формальным на тот момент; Исидор, также автор VII в., использует формулировку «Аквитанское королевство» по отношению к правлению Теодориха I (418–450) [3]. Если обратиться к более ранним источникам, то в первой, более древней части той же Сарагосской хроники приводится наименование «королевство готов» (... Thurismundus... Gotthorum regna regit...) [2. Р. 222]. У Идация, современника аквитанского периода в истории вестготов, не встречается даже такого выражения, хотя он говорит о «королевстве свевов» (Aiulfus dum regnum Suevorum spirat...) [4].

Сравнив высказывания Идация, Исидора и Сарагосской хроники, можно заметить, что смысл понятия regnum со временем изменился. Если для Идация смысловое значение «regnum» передается как «правление, система власти» – в равной степени используемое как по отношению к преемственности римского престола, так и к варварским вождям и племенам, то Сарагосская хроника и Исидор, говоря о Тулузском или Аквитанском «regnum», соотносят этот термин уже не с племенем, а с территорией. За двести лет, с V по VII в., историческое сознание романской Европы изменило свои ориентиры. Для Идация вестготы – одно из объединений варваров, во главе с вождем странствующих по империи и не привязанных к какому-либо месту. Вестготы Исидора – это место, территория, область, над которой осуществляется власть их короля, что говорит о разрушении идеи территориального единства и универсальности Римской империи в глазах историка

VII в. Появление концепции Тулузского королевства отражает трансформацию общественного и исторического сознания раннесредневековых хроникеров, но не реальную институционализацию новых властных структур и изменение статуса вестготов.

Х. Вольфрам, считая Сарагосскую хронику аутентичной описываемым в ней событиям, относит формирование представления о территориальности этого королевства к 507 г. П. Хизер, ссылаясь на работу французской исследовательницы, посвященную происхождению идеи готской нации в V–VII вв. [5], говорит о времени короля Эвриха (466–484) [6. Р. 181]. Оба автора подчеркивают, что до 418 г. в источниках по отношению к готской общности использовались определения *exercitus* (войско, подразделение – у Аммиана Марцеллина) или *gens* (род, народ – у Орозия), но не *regnum*. Ю. Б. Циркин, не останавливаясь на терминологии, связывает возникновение Тулузского королевства с моментами противостояния вестготов и Римской империи в 425 г. [7. С. 155]. Так или иначе, очевидно, что период истории вестготов, который принято называть в историографии Тулузским королевством, являлся скорее периодом формирования этого королевства. Однако необходимо уточнить, когда и как происходил этот процесс. Очевидно, что существовали факторы, как ему способствующие, так и противодействующие. Произошло ли становление Тулузского королевства в период 418–450 гг. или позднее, какие события говорят о движении вестготов к созданию самостоятельного объединения или о противоположной тенденции, какие намерения лежали в основе решений готских и римских лидеров – об этом пойдет речь ниже.

По сведениям Идация, в 418 г. вестготы были отозваны из Испании в Галлию Констанцием, *magister militum* императора Гонория, мужем его сестры Галлы Плацидии и фактическим правителем империи в этот период (*per Constantium ad Gallias revocati*) [4]. Х. Вольфрам обращает внимание на то, что переселение было осуществлено именно по приказу Констанция, а не по желанию иберийского или аквитанского романского населения или самого Гонория [1. С. 245]. Хотя другие источники сообщают, что император даровал вестготам земли в Галлии в качестве награды за службу [3; 8. С. 251], - кроме Иордана, последовательно проводящего линию самостоятельности решений готов [9. С. 95], - текст Идация представляется наиболее достоверным в силу аутентичности хроники описанным событиям. Таким образом, вся ответственность за это решение лежала на

Констанции, и в его мотивах и образе мыслей необходимо искать ему объяснение. Резоны переселения вестготов из Испании в Южную Галлию неочевидны. Констанций, ведущий полководец империи, своим приказом отвел войска вестготов в момент их наивысшего успеха, оставив провинцию Испания беззащитной перед набегами вандалов и свевов из Галисии. Такое решение зарекомендовавшего себя талантливым военачальника вызывает недоумение и интерес исследователей.

Э.А. Томпсон считает, что передислокация вестготской армии оправдывалась необходимостью пресечь потенциальные волнения и восстания крестьян и рабов в Арморике и Аквитании, как наиболее богатых и важных в экономическом отношении провинциях; Х. Вольфрам в целом поддерживает эту точку зрения [1. С. 247; 10. С. 49]. Однако более вероятным представляется мнение П. Хизера, видящего в этом шаге Констанция в равной степени военную и логистическую необходимость [6. С. 182]. Находясь в Испании, вестготы постоянно испытывали угрозу голода – это являлось главным предметом переговоров между ними и империей. Несмотря на однократную большую поставку зерна, завершившую эти переговоры, за два года войн в Испании ситуация с продовольствием не улучшилась, и вестготы вновь оказались перед лицом нехватки продовольствия. Констанций вновь пошел навстречу их нуждам – возможно, это оговаривалось в заключенном договоре – и нашел для поселения провинцию, способную эти нужды удовлетворять в обозримом будущем – Аквитанию Вторую [11]. Основываясь на ресурсах этой провинции, войско могло сохранять боеспособность; решалась проблема, мучавшая вестготов несколько лет, и сохранялась возможность продолжить со временем кампанию в Испании. Как указывает П. Хизер, расселение в Аквитании позволяло вестготам вернуться обратно в Испанию и отвоевать ее, что и произошло в 422 г. [12. С. 374]. Таким образом, принятое решение отвечало интересам и вестготов, и империи. Можно предположить, что свою роль в комплементарном решении Констанцием судьбы вестготов сыграла Галла Плацидия, поддерживавшая с ними дружеские связи со времен замужества за Атаульфом [13].

Однако полного доверия и взаимопонимания между вестготами и Констанцием не существовало. Зная силу, возможности и вспыльчивость вестготов, Констанций предпочитал не давать им лишнего повода для военного шантажа. Такой вывод из слов Идация, относящихся к описанию территорий поселения вестготов: ...*sedes in*

Aquitania a Tolosa usque ad Oceanum asseperunt (место жительства в Аквитании вместе с Тулузой вплоть до океанского побережья) [4], делает Х. Вольфрам. Он отмечает, что средиземноморское побережье было для вестготов закрыто [1. С. 246], – действительно, «usque ad» в контексте может означать «вплоть до» как «за исключением». Однако эти рассуждения несколько спекулятивны. В отсутствие внятных археологических находок как эмпирической базы для выводов А.М. Хименес Гарника попыталась прояснить проблему географического расселения вестготов в Аквитании с помощью анализа современной топонимики Южной Франции. В соответствии с составленной ею картой, основная масса названий местностей готского происхождения концентрируется в департаментах Тарн, Тарн-и-Гаронна, Ло, Аверон и Дордонь [14. Р. 99–102]. Это исключительно благоприятные для ведения сельского хозяйства территории, компактно расположенные вокруг Тулузы и максимально удаленные от моря. Это подтверждает, что Констанций стремился обеспечить вестготов продовольственной базой, но не желал допускать их до морского побережья. Доступ к побережью означал возможность переправиться в Африку, житницу Западной империи. Имея в качестве главного инструмента давления на вестготов фактор обеспечения продовольствием, Констанций сделал все, чтобы исключить вероятность самодостаточности вестготов в этом смысле и тем более возможность контроля ими основного источника продовольствия для самой Италии. В любом случае при всех предосторожностях поселение вестготов в Аквитании представляло собой знаковое событие. М. Куликовски, один из ведущих американских исследователей проблем этнической самоидентификации в период поздней античности, говорит, что с 418 г. вестготы перестали быть одной из варварских пограничных групп и начали трансформацию в варварское королевство на территории империи [15. Р. 183]. Эта точка зрения не оригинальна – практически все исследователи так или иначе полагают, что поселение в Аквитании стало принципиальным рубежом в истории вестготов.

Соглашаясь с этой позицией, необходимо тем не менее понимать, что все последствия присутствия вестготов в Аквитании проявили себя лишь со временем. Первоначально, по всей видимости, это было ординарным мероприятием, сопровождавшимся заключением стандартного *foedus* между империей и варварами на ее территории. Непосредственный текст этого *foedus* или хотя бы сколько-нибудь презентативные косвенные свиде-

тельства о нем не сохранились, поэтому об условиях расселения остается догадываться. Э.А. Томпсон описывает их как типовую для подобных случаев систему *hospitalitas* [10. С. 48–49], однако П. Хизер правомерно замечает на это, что единственное прямое свидетельство источников об этих условиях – слова Филосторгия о том, что готам пожаловали земли в Галлии для возделывания [8. С. 251; 12. С. 372], которые ничего не доказывают. Исследователь видит единственную возможность уточнить условия поселения готов в Аквитании с помощью потенциальных археологических данных. Тем не менее П. Хизер не находит нужным спорить с выводами Э.А. Томпсона. Само отсутствие отдельных сообщений источников об условиях поселения вестготов отчасти подтверждает их заурядность. Р. Матисен и Х. Сиван полагают, что в договоре 418 г. выстраивалась иерархическая модель соподчинения – от римского императора к готскому королю, знати и простолюдинам; однако тут же оговариваются, что имперское правительство стремилось сохранить контроль над Аквитанией с помощью своих эмиссаров [16. С. 11]. П. Хизер также сомневается в существовании в каком-либо виде самостоятельной административной власти вестготского предводителя в Аквитании, по крайней мере в 418 г., а вероятнее – в течение всего правления Теодориха [6. Р. 183–185]. Аквитания оставалась римской провинцией и иным образом не воспринималась.

В свете вышесказанного следует заключить, что в 418 г. вестготы в Аквитании представляли собой в первую очередь войско на службе императора; Теодорих, соответственно, расценивался как римлянами, так и вестготами как военачальник в армейской иерархии империи. В источниках отсутствуют данные о присвоении ему официального армейского статуса *magister militum*, следовательно, войско вестготов находилось в ранге вспомогательного, а власть Теодориха распространялась только на вестготов, не затрагивая римские структуры. В этот период провинция Аквитания Вторая оставалась неотъемлемой частью административной системы империи. Действия вестготов, отраженные в источниках, подтверждают эту точку зрения. В 422 г. правительство империи организовало экспедицию против вандалов в Испании – видимо, ради завершения их разгрома, прерванного переселением вестготов в 418 г. Как отмечает П. Хизер, четырехгодичный перерыв потребовался для аккультурации вестготов в Аквитании [6. Р. 185], что вполне вероятно. Вестготы участвовали в этой экспедиции, но не являлись ее главной силой. Очевидно, планы Ра-

венны в отношении Испании не изменились, несмотря на смерть главного их инициатора – Констанция – в 421 г.

Пост *magister militum* после него перешел к Кастину, которого Проспер характеризует как недружелюбного и горделивого военачальника [11]. Характеристика дана постфактум, и явно отражает ведущую роль Кастина в последующей узурпации Иоанна, однако она релевантна поведению Кастина в походе 422 г. и позволяет с большей уверенностью говорить о мотивах его действий. Проспер утверждает, что Кастин был послан в Испанию императором; Идаций акцентирует внимание на самом Кастине как на инициаторе войны с вандалами в Бетике. Это противоречие источников на самом деле создает взаимодополняющую картину. Можно предположить, что Кастин в силу своего характера стремился к самоутверждению через осуществление мероприятия, которое не удалось закончить его прославленному предшественнику Констанцию. Проспер косвенно подтверждает это, порицая Кастина за намеренный разрыв отношений с другим известным военачальником Бонифацием с тем, чтобы тот не участвовал в походе и не претендовал на славу победителя. Привлечение вестготов же не представляло угрозу репутации Кастина, очевидно, в силу отсутствия у Теодориха претензий на официальные римские должности и титулы. Кроме того, вестготы представляли собой только вспомогательные войска ауксилиев в отличие от времен Констанция, когда им была дана свобода действий от имени империи.

Идаций негативно отзываясь о роли Кастина в этом походе, в целом неудачном; он же говорит о лживости ауксилиев как об одной из причин этой неудачи (...*auxiliorum fraude deceptus ad Tarraconam victus effugit*) [4]. Х. Вольфрам предполагает, что вестготы внезапно предательски атаковали римлян по приказу Теодориха. При этом сам же исследователь отмечает, что никаких последствий такая измена не имела [1. С. 248], что вызывает недоумение. П. Хизер оставляет вопрос об измене готов открытым [6. Р. 185]. Это представляется более рациональной точкой зрения при отсутствии ясных свидетельств. Однако этот вопрос проясняется, если понимать слова Идация о вестготах в общем контексте порицания Кастина в данном параграфе. Тогда речь может идти не о предательстве ауксилиев, а об обмане, нечестном поведении Кастина по отношению к ним. Так или иначе, вестготы не предъявляли претензий к римлянам вплоть до 425 г., что предполагает сохранение взаимовыгодного статус-кво. Э.А. Томпсон оценивает отношение Теодориха к римлянам как

избирательную и осторожную враждебность и считает, что вестготы в этот период пользовались любой возможностью ослабления империи для организации набегов [10. С. 50]. Однако это не так. Смерть Гонория в 423 г. означала регентство Галлы Плацидии, а реально – Кастина, затем, с попустительства последнего, как указывает Проспер, узурпацию Иоанна [11]. Ни одно из этих событий, действительно ослаблявших империю, не вызвало враждебной реакции Теодориха, вопреки логике Э.А. Томпсона.

Ю.Б. Циркин не считает вестготов априори противниками империи, но предполагает, что они в этот период стремились к самостоятельности от имперского правительства, к созданию собственного королевства на отведенных для поселения территориях. Как полагает Ю.Б. Циркин, смерть Гонория в 423 г. освободила вестготов от обязательств федератского договора 418 г., и Теодорих воспользовался этим, отказавшись его возобновлять [7. С. 154–155]. Однако и это не так. Теодорих заявил о себе только в 425 г. наступлением на Арль. И даже оно было скорее демонстративным, чем реальным – Проспер и Исидор утверждают, что вестготы ушли сразу, как только появились слухи о подходе войск Аэция [3, 11]. К этому времени с момента смерти Гонория прошли годы, чрезвычайно насыщенные событиями для Западной империи. Вряд ли вести из Италии в Южную Галлию доходили за несколько лет, и Теодорих узнал о смерти Гонория только к 425 г. Следует предположить, что он был информирован о происходящем, но предпочитал не вмешиваться. В ситуации борьбы за престол империи и непредсказуемости ее исхода это было естественным образом действий только в том случае, если вестготы были ориентированы на сохранение отношений с имперским правительством и на перезаключение договора: в период 423–425 гг. не было ясно, с кем именно его перезаключать.

Именно в ключе демонстративного обращения на себя внимания ради выгодных условий нового *foedus*'а оценивает акции вестготов в отношении аквитанских городов Х. Вольфрам [1. С. 249]. Этой же позиции придерживаются и Р. Матисен и Х. Сиван [16. Р. 16]. П. Хизер рассматривает ситуацию более комплексно, вводя в систему отношений вестготов и империи аквитанскую галло-римскую знать как самостоятельную переменную. Он считает, что близких контактов и взаимного сотрудничества между вестготами и аквитанцами в течение правления Теодориха не было. Имперское правительство целенаправленно позаботилось об этом, создав совет галльских провинций в

Равенне ради упрочения влияния центра среди галло-римлян [6. Р. 192]. Это наблюдение П. Хизера лишь еще раз подтверждает сказанное выше. В отсутствие контактов с местной знатью не могло идти речи о самостоятельности или автономности вестготов по отношению к империи в территориальном или ресурсном плане. Будучи субординатами административной иерархии, вестготы могли рассчитывать на улучшение условий своего расселения только через пересмотр условий договора. Инструмент для давления на имперские власти в этом смысле был известен и традиционен – демонстративные набеги и походы. Естественно, что в качестве цели для подобных походов выбирались наиболее значимые местные центры, как Арль и Нарбонна, которые было важно не столько завоевать, сколько обозначить такое намерение и возможность.

Условия нового *foedus*'а неизвестны, но очевидно, что он был перезаключен после прибытия к Арлю Аэция в качестве *magister militum per Gallia*. Поссидий Каламский в своем Житии св. Августина называет готов федератами римских войск Бонифация в событиях 429–430 гг. (...comes quondam Bonifacius cum Gothorum foederatorum exercitu) [17. Р. 114] (хотя Ю. Б. Циркин подвергает сомнению это свидетельство [7. С. 155]). В то же время демарши в сторону Арля и столкновения с Аэцием продолжаются. Идаций сообщает об уничтожении Аэцием готских войск и пленении знатного гота Анаульфа около 430 г. (...Gothorum manus exstinguitur, Anaolfo optimate eorum capto) [4]. В данном случае возможна контаминация сообщений о походе на Арль со стороны Идация или Проспера; последний более аутентичен в силу своего аквитанского происхождения. Исидор, в частности, говорит только об одном походе [3]. Слова Идация о пленении некоего готского аристократа Анаульфа заставляют предполагать, что Теодорих либо вовсе не участвовал и не имел отношения к этому мероприятию, либо предпочел дистанцироваться от него. Подобной точки зрения придерживается Э.А. Томпсон [10. С. 51], и вслед за ним П. Диас [18. Р. 330–331]. По мнению последнего, вестготский король и знать находились в состоянии противостояния, что создавало баланс сил; таким образом, действия отдельных вождей на свой страх и риск оказывались вполне возможными. Однако Идаций в указанном фрагменте говорит не о предводителе похода, а лишь о знатном человеке, пленение которого, видимо, значимо, но само по себе не свидетельствует о его руководящей роли. Также вызывает сомнение, что отдельный готский вождь был способен угрожать такому

городу, как Арль. Наконец, отсутствуют данные о подобных самостоятельных инициативах, проявленных ранее. Поэтому сомнительно, чтобы Теодорих не возглавлял или хотя бы не санкционировал демонстративные походы на Арль.

П. Хизер пытается объяснить мотивы готских эскапад 430-х гг. стремлением Теодориха, подобно Алариху, добиться официальной имперской должности и получать ежегодные субсидии [6. Р. 186–187]. Однако ситуация Теодориха серьезно отличалась от положения Алариха. Если последний действовал в условиях отсутствия договора, то Теодорих основывался на уже существующем *foedus*'е, который в той или иной степени устраивал обе стороны. Э.А. Томпсон убежден, что, несмотря на агрессивные выпады вестготов, действие соглашения из-за них не прекращалось [10. С. 51]. Источники не дают даже намека на политические или бюрократические амбиции Теодориха на службе империи. Можно предположить, что целью Теодориха было в первую очередь хозяйственное, экономическое упрочение позиций вестготов в регионе.

При этом знаменательно, что, отстаивая права и преференции вестготов, Теодорих на рубеже 420–430-х гг. начал использовать совершенно нехарактерный ранее метод: возник союз Теодориха с вандалами, за сына короля которых он выдал свою дочь [9. С. 97]. В это же время Теодорих пытался, хотя и безуспешно, вести переговоры со свевами [4]. Такой поворот во взаимоотношениях с другими варварскими объединениями, налаживание альтернативных имперским взаимосвязей можно расценивать как свидетельство определенного разочарования в могуществе империи, снижение ее статуса в глазах вестготов. Впервые проявилась тенденция разотождествления вестготов с империей и формирования особой корпоративности варварских объединений. Кроме того, подобный союз давал возможность осуществлять скоординированное давление на имперское правительство.

Возможно, в русле этой тенденции в 436–439 гг. развернулась полномасштабная кампания вестготов, начавшаяся с похода на Нарбонну. Причины очередной демонстрации сил Теодорихом неясны, но в контексте имперских событий этого времени объяснимы. Начиная с 435 г. Аэций, назначенный *magister militum praesentalis*, занялся урегулированием отношений с различными варварскими объединениями. Были заключены договоры с гуннами, вандалами, франками, бургундами, свевами. Возможно, Аэций также усматривал признаки формирования союза между варварами и нанес упреждающий удар. Более того,

теперь он хотел ставить условия договоров – об этом говорит его целеустремленность. Осада Нарбонны вестготами была снята Аэцием и его подчиненным Литорием, но на этом противостояние не прекратилось. Более того, к нему были привлечены отряды гуннов, личных союзников Аэция. Идаций сообщает о восьми тысячах готов, убитых Аэцием, что, хотя и представляется преувеличением, но показательно характеризует серьезность его намерений. В 439 г. римляне и гунны уже подошли к Тулузе [4, 11]. В соответствии с Житием св. Ореция Ошского Теодорих через христианских епископов пробовал начать переговоры и заключить мирный договор (*cum pax ab illis postularetur: ille Episcopus mitterent...*) [19. P. 60]. Характерно, что отношение к Литорию со стороны Ореция резко отрицательное как к язычнику и предводителю язычников-гуннов; в сравнении с ним Теодорих, будучи христианином, изображен в положительных тонах [1. С. 250]. Подобное отношение может свидетельствовать о солидаризации местного галло-римского населения и вестготов; очевидно, за двадцать лет установились достаточно крепкие контакты, чтобы Ореций идентифицировал себя не с представителями равеннского правительства, а с интересами местного вестготского короля. Из этого следует, что местничество в этот период уже становится доминирующим трендом в интересах аквитанской знати, и последняя, несмотря на усилия имперского правительства, готова идти на сближение с вестготами.

Переговоры не дали результата. Источники винят в этом неразумную агрессивность Литория, доверившегося языческим оракулам, предрекавшим победу. Учитывая отрицательное отношение к Литорию как к язычнику со стороны христианских авторов, эта оценка не удивительна. Проспер приводит, помимо указанной, еще и личную мотивацию Литория на продолжение войны – честолюбивое стремление выслужиться, превзойти Аэция. Для этого действительно были шансы: тот же автор прямо указывает на возможность успеха римлян, если бы сам Литорий не попал в плен. Идаций добавляет, что спустя несколько дней он был убит [3, 4, 11]. Иордан не говорит о таких подробностях, однако отмечает равные силы сторон и бесперспективность противостояния для них, в результате чего был заключен мир на условиях возвращения к статус-кво (*datis dextris in pristina concordia redierunt*) [9. С. 96]. Проспер также подтверждает, что готы желали и просили мира [11]. Однако Р. Матисен и Х. Сиван полагают, что вестготы могли диктовать свои условия, исходя из факта пленения предводителя соперников, и по-

этому условия нового договора были намного благоприятнее для них. Следуя этой логике, исследователи видят в договоре 439 г. ключевое событие для формирования Тулузского королевства [16. P. 17]. Авторы не оригинальны в своих взглядах: Д. Клауде, выражая мнение ряда немецких историков, считает, что в 439 г. *foedus* с вестготами вообще был расторгнут и заменен мирным соглашением, подобным договору между двумя равными сторонами [20. С. 48].

Нет оснований не доверять сведениям о стремлении готов к миру с римлянами; Иордан вряд ли проигнорировал бы выгодный для готов договор, рассматривающий вестготское объединение как самостоятельное, на одном уровне с имперскими представителями. Э.А. Томпсон считает, что Равенна была также заинтересована в сохранении *foedus*'а 418 г. неизменным, и рассматривает действия Литория как авантюру, не поддержанную официальными властями [10. С. 51]. Дальнейшие действия Теодориха подтверждают точку зрения о сохранении статус-кво в отношениях римлян и вестготов.

Теодорих, отмечает Х. Вольфрам, как можно быстрее избавился от бежавшего к нему опального *magister militum* Себастиана [1. С. 252]; охотно участвовал в походе римских войск против севов в Испании (*...superatis etiam in congressione qui ei ad depraedandum in adiutorium venerant, Gothis...*) [4], однако при этом спустя некоторое время заключил с королем севов брачный союз (*Recharius accepta in conjugium Theodori regis filia...*) [4]. Таким образом, он продолжил наметившийся к 436 г. курс, сочетающий сохранение договора с параллельным налаживанием союзных связей с другими значимыми варварскими объединениями. Неудивительно, что в попытках сотрудничать с равеннским правительством и одновременно опираться на сторонних союзников Теодорих оказался в условиях цейтнота и был вынужден в 450 г. выбирать сторону в противостоянии Аэция и гуннов. Несмотря на то, что отношения с гуннами у вестготов, по всей видимости, на тот момент отсутствовали, Теодорих колебался в решении поддерживать римлян. Возможно, главную роль в этих колебаниях, ранее не проявлявшихся по отношению к какому-либо иному сопернику, сыграла память готов о поражениях и бегстве от гуннов столетием ранее, вероятно, ставшая частью готской мифологии. По словам Сидония Апполинария, готы предпочитали, вопреки планам Аэция, ожидать гуннов на собственных землях (*Hunos... in sedibus hostem exspectare Getas...*), и только посольство Авита смогло преодолеть этот барьер нерешительности [21. P. 146]. Значительную роль сыграли личные отношения между Теодорихом, с

одной стороны, и Авитом, с другой, поскольку соглашение 439 г. также заключалось Теодорихом и Авитом.

Иордан в подробном и, видимо, мифологизированном описании битвы на Каталаунских полях расценивает статус вестготов в это время как ауксилиев, при этом употребляя для обозначения связи между вестготами и римлянами не характерное foedus (федератский договор), а имеющее совершенно иной контекст societas – союз в значении содружество, товарищество, чем подразумевает равенство сторон (auxilium in etiam rei publicae... quam sit autem nobis expetenda vel amplexanda societas...) [9. С. 96]. Несмотря на предвзятость и апологетичность, данную оценку можно считать соответствующей если не действительности, то перспективным целям Теодориха в этот период. Теодорих пытался извлечь все плюсы из положения вестготов как римских федератов-поселенцев, и для этого сохранял и развивал определенную дистанцию между римлянами и вестготами, использовал все возможные методы давления на имперское правительство. Отсюда его выпады против аквитанских городов и союзы с другими варварами. Это балансирование на грани «друг-враг», шантаж и вымогательство выгод делают политику вестготов в отношениях с империей в 418–450 гг. на первый взгляд противоречивой. Однако на самом деле она была неизменно нацелена на сохранение федератских отношений и не подразумевала стремление к самостоятельности в какой-либо форме. Таким образом, следует согласиться с точкой зрения П. Хизера, упомянутой выше: на протяжении эпохи Теодориха I принципиальных изменений в статусе вестготов и их самоидентификации не произошло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003.
2. *Chronicorum Caesaraugustanorum reliquiae* // Mommsen T. Monumenta Germaniae Historica. T. Auctorum Antiquissimorum. T. XI. Croniconum Minorum. T. II. - Berlin, 1894.
3. *Исидор Севильский*. История готы [Электронный текст] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frameset.htm
4. *Hydatii Episcopi Chronicon* [Электронный текст] – Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/hydatiuschronicon.html>
5. *Teillet S.* Les Goths a la nation gothique: La origins de l’idée de Nation en Occident du V au VII siècle. Paris, Les Belles Lettres, 1984.
6. *Heather P.* The Goths. Wiley-Blackwell, 1998.
7. Циркин Ю.Б. Испания от античности к средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010.
8. *Флосторгий*. Сокращение «Церковной истории» // Церковные историки IV–V веков. М.: РОССПЭН, 2007.
9. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. СПб.: Алетейя, 1997.
10. *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. М.: Ювента, 2003.
11. *Хроника Проспера Аквитанского* [Электронный текст] – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/text1.phtml?id=6887
12. *Хизер П.* Падение Римской империи. М.: АСТ: Астрель, 2011.
13. *Коньков Д.С.* Проблемы становления идентичности вестготов после смерти Алариха // Вестник Томского государственного университета. Томск: Изд. ТГУ, 2012. № 363. С. 107–111.
14. *Jimenez Garnica A.M.* Settlement of the Visigoths in the fifth century. // The Visigoths from the migration period to the seventh century. Boydell & Brewer Ltd, 2003.
15. *Kulikowski M.* Rome’s Gothic Wars: from the third century to Alaric. Cambridge University Press, 2007.
16. *Mathisen R., Sivan H.* Forging a new identity: the kingdom of Toulouse and the frontiers of Visigothic Aquitania (418–507) // The Visigoths: studies in culture and society. BRILL, 1999.
17. *Sancti Augustini Vita scripta a Possidio Episcopo*. Princeton University Press, 1919.
18. *Diaz P.C.* Visigothic political structures // The Visigoths from the migration period to the seventh century. Boydell & Brewer Ltd, 2003.
19. *De Sancto Orientio* // Acta Sanctorum Maii. T. I. Bruxelles: Culture et Civilisation, 1968.
20. *Клауде Д.* История вестготов. СПб.: Евразия, 2002.
21. *Sidonius*. Poems and letters. V. I. London: William Heinemann Ltd, 1963.